

Сборник статей

Русская мысль

Год 26. Январь

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 **Сборник статей**
Русская мысль: Год 26. Январь / Сборник статей – М.: Книга по Требованию, 2021. – 454 с.

ISBN 978-5-517-87145-9

Ежемесячное литературно-политическое издание "Русская мысль". 1905 года. Двадцать шестой год. Книга первая. Так же в книгу вошли две статьи Петр Бернгардович Струве из 29 тома, книга 5-6. Отрывки о государстве и нации.

ISBN 978-5-517-87145-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

КНИГА I.

МОСКВА.

—
1905.

МОСКВА.

Типо-литогр. Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°. Пямен. ул., собств. домъ.

1905.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

- I. ИЗГОИ. Повѣсть.—П. Д. Боборыкина.
- II. ПЕТРЪ КАМЕНЦИНДЪ. Германа Гессе. Переводъ съ нѣмецкаго.—Н. К.
- III. НЕ ПО ЗАКОНУ.—Е. М. Милицыной.
- IV. НА ПОЛЪ СЛАВЫ. Историческій романъ изъ временъ Яна Собескаго Генрика Сенкевича. Пер. съ польскаго.—В. М. Л. *Продолженіе*
- V. ЧЕЛОВѢКЪ СЪ СИСТЕМОЙ. Н. И. Тимковскаго
- VI. СТИХОТВОРЕНІЯ.—А. М. Вербова
- VII. СЪ ОБОЗОМЪ.—Е. Н. Любича
- VIII. ИЗЪ НАБРОСКОВЪ А. П. ЧЕХОВА. I. У Зелениныхъ. II. Калѣка. III. Волкъ.
- IX. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Крандѣвской.
- X. МОСКОВСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ И ЕГО ТРАДИЦИИ.—Ал. Кизевеггера.
- XI. ПАМЯТИ ГАБРИЕЛЯ ТАРДА, КАКЪ СОЦІОЛОГА.—Е. А. Аркина.
- XII. МОБИЛИЗАЦІЯ ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ ВЪ РОССИИ И ЕГО СТАТИСТИКА.—П. И. Лященко
- XIII. ЯСНАЯ ПОЛЯНА И ОСТРОВЪ КАПРЕРА. (Изъ воспоминаній гарибальдійца.)—Н. А. Попова.
- XIV. ИЗЪ МУНИЦИПАЛЬНОЙ ЖИЗНИ ВЪ ГЕРМАНИИ.—В. Я. Канеля.
- XV. БЪ СОРОКАЛѢТІЮ СУДЕБНЫХЪ УСТАВОВЪ 1864 г.—Н. В.
- XVI. ГОДЪ ВЪ ПЕКИНѢ. Осень.—В. В. Норсакова.

	<i>Стр.</i>
XVII. О ГЛѢБѢ УСПЕНСКОМЪ.—Ю. Альда	114
XVIII. ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ	134
XIX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.	145
XX. 1904 ГОДЪ ВЪ ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІИ.—В. А. Гольцева	182
XXI. СОВРЕМЕННОЕ ИСКУССТВО.—Ю. А. и М. П. С.	188
XXII. ПАМЯТИ ЧЕХОВА.— <i>Ред.</i>	197
XXIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ. I. Книги: Беллетристика.— Публицистика. — Исторія, исторія литературы, мемуары. — Географія, путешествія.—Политическая экономя.—Естество- вѣдѣніе.—Математическія науки.—Медицина.—Сельское хо- зяйство.—Книги для дѣтей, учебники.—Журналы. II. Спи- сокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 декабря 1904 г. по 1 января 1905 г.	1
XXIV. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	1

Для личныхъ переговоровъ, пріема и выдачи рукописей редакція «Рус- ской Мысли» открыта по средамъ и субботамъ отъ 1—3 час. дня.

Непринятая редакціей рукописи хранятся въ теченіе 6 мѣсяцевъ со дня отправки извѣщенія автору, а по истеченіи этого срока уничтожаются.

Непринятая редакціей стихотворенія не сохраняются. Авторы, въ теченіе 3 мѣс. не получившіе утвердительнаго отвѣта, могутъ располагать стихо- твореніями по своему усмотрѣнію. По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не входитъ въ переписку.

ИЗГОИ.

Повѣсть.

I.

Что за отвратительная погода! Кажется, еще не было такой съ сотворенія міра!... Моросить, дуетъ, мокрый снѣгъ или гололедица, или непролазная грязь на нашей улицѣ.

Наша улица! Одно ея названіе уже вызываетъ что-то вродѣ тошноты:

Сычѣвка!

Отъ слова «сычъ».

Отъ площади, гдѣ, по воскресеньямъ, продаютъ несчастныхъ псовъ ихъ мучители-собачники, идетъ она немного въ гору и заканчивается тупикомъ. Вся она набита всякой человѣческой пакостью. И облѣзлые дома съ ихъ лавченками, трактирами, пивными, винными лавками, номерами, подвальными логовами старьевщиковъ и самыхъ темныхъ ростовщиковъ—все это кишитъ такимъ же людомъ, какъ и на Хитровкѣ.

Справа поднимаются по крутому холму переулки съ домами терпимости всякихъ цѣвъ—отъ самыхъ «шикозныхъ» до такихъ, куда ходятъ мастеровые, солдаты, жулики.

Вся наша Сычѣвка—царство *изгоевъ*.

Это древнемосковское слово я слышалъ когда-то на лекціяхъ... кажется, изъ исторіи русскаго права.

Въ тѣ годы, когда я былъ студентъ... настоящей студентъ, бравый, франтоватый, любимый товарищами, всегда впереди всѣхъ, одинъ изъ выдающихся вожаковъ на сходкахъ, въ депутаціяхъ, на благотворительныхъ вечерахъ и чтеніяхъ.

А теперь и я «изгой».

Кто были эти «изгой»—я такъ и до сегодня не могу въ точности

опредѣлить. Одно ясно: это былъ народъ, не имѣвщій настоящаго положенія въ тогдашнемъ московскомъ государствѣ.

Что-то вродѣ отщепенцевъ или, по теперешнему, «золоторотцевъ» съ Хитрова рынка, или «босяковъ». Только тогда не было еще «интеллигентнаго пролетаріата», какъ теперь.

Навѣрно, они и тогда ютились въ такихъ урочищахъ, какъ наша Сычевка и ея переулки.

Я каждое утро отрываю календарь и читаю на листѣ какое-нибудь изреченіе или стихъ, а на оборотѣ меню постныхъ и скоромныхъ обѣдовъ.

Въ воображеніи я пробую всѣ эти кушанья, отправляясь въ мой «общій столъ», тутъ на бульварѣ, гдѣ за четвертакъ можно не умереть съ голоду и не выйти изъ желудочнаго катарра.

И вотъ сегодня оторвалъ листокъ и прочелъ на слѣдующемъ: 10-е ноября.

Какая годовщина! Давно ли это было? Всего какихъ-нибудь семь лѣтъ.

Кровь бросилась мнѣ въ лицо. Даже духъ захватило.

Точно въ галлюцинаціи встала передо мною сцена, та, незабываемая, роковая...

Возвращаюсь домой. Хочу взять ключъ. Его нѣтъ на доскѣ.

Кличу коридорную дѣвушку. Она не является. Иду къ своему номеру. Ключъ торчитъ въ двери.

Я сначала подумалъ, что тамъ горничная убираетъ комнату.

Вхожу... Два моихъ товарища, Харитовъ и Сиговъ, роются въ ящикѣ моего письменнаго стола.

Въ первыя секунды я ничего не заподозрилъ.

Подошелъ и окликнулъ ихъ:

— Что вы тутъ дѣлаете, братцы?

Они разомъ обернулись и сильно смутились. Одинъ даже схватился рукой за уголъ стола, точно его что качнуло.

Тогда я сталъ понимать.

— Съ какой же стати вы въ мое отсутствіе... шарите у меня въ столѣ?

Ящикъ я держалъ подъ ключомъ; а ключъ клалъ въ коробочку, на комодѣ, за перегородкой. Никто не зналъ, куда я его клалъ.

Значить, они подобрали свой ключъ или взломали.

— Какъ же вы проникли?—спросилъ я, все еще сдерживая себя.—Взломали замокъ?

Тутъ они, немного оправившись, состроили серьезныя фізіономіи, отошли отъ стола и сѣли рядомъ на диванѣ.

— Да, мы должны были прибѣгнуть къ этой мѣрѣ,—сказалъ Харитовъ.

Онъ былъ главный исполнитель этого обыска.

Да, это былъ обыскъ, настоящій, форменный.

— Мы исполнили... порученіе товарищей,—прибавилъ потрусливѣе Сиговъ,—глупенькій малый, изъ тѣхъ посѣтителей сходокъ, которыхъ я звалъ собирательнымъ именемъ «Балалайкины», во вкусь ищедринскаго героя.

— Что-жь это... приговоръ комитета?—спросилъ я, отошелъ къ окну и сѣлъ на подоконникъ.

— Да, если хочешь,—сказалъ Харитовъ.

— Стало... меня подозрѣваютъ въ чемъ-нибудь постыдномъ?—уже нервнѣе выговорилъ я, чувствуя, какъ у меня въ груди холодѣеть и въ губахъ дрожь.

Я съ усиліемъ произнесъ эти слова.

Передъ глазами у меня прошла точно пелена. Кажется, я былъ близокъ къ обмороку. И они оба могли счесть это за доказательство моей виновности.

Но я быстро овладѣлъ собою.

— Кто же присвоилъ себѣ право... такъ поступить со мною?

— Твои товарищи,—отвѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Меня считаютъ...?

Слово застряло у меня въ горлѣ.

Они оба сидѣли потупившись.

— Какая подлость!

Меня душило. Я заходилъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи. Они продолжали сидѣть все въ тѣхъ же позахъ.

— И вы, стало быть, подозрѣваете меня въ томъ же?—спросилъ я уже со слезами въ голосъ, подбѣгая къ нимъ.

Я весь трясся.

— Мы—только исполнители,—выговорилъ Харитовъ.—Ты не долженъ считать это личнымъ оскорбленіемъ.

— А чѣмъ же? Почему я знаю, что вы явились отъ лица... комитета тамъ, что ли? Я васъ самихъ поймалъ на постыдномъ поступкѣ... вы забрались ко мнѣ, взломали столъ... шарили въ моихъ бумагахъ... И я долженъ оставить это такъ... не требуя удовлетворенія?...

— Съ тобой драться мы не будемъ,—выговорилъ онъ очень твердо.—Воля твоя! Оправдывайся, какъ знаешь, передъ... комитетомъ.

— Въ чемъ?—крикнулъ я.

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

— Ты понимаешь — въ чемъ. Зачѣмъ же ломать оскорбленную невинность?

— Но вѣдь это чудовищно!

Бъ горлу подбавилъ истерическій клубокъ. Я не выдержалъ и разрыдался.

Они оба поднялись.

— Извини... Мы исполнили тяжелую обязанность.

— И вы... что-нибудь нашли... у меня?... Говорите!

— Нѣтъ, ничего!

— Напрасно не подкинули чего-нибудь отъ себя.

— За кого ты насъ принимаешь?

— За добровольныхъ сборовъ. Вотъ за кого!

— Ты слишкомъ возбужденъ. Твои оскорбленія для насъ безразличны.

Дальше я уже ничего не помню. Со мной сдѣлался обморокъ.

Соглядатаи удалились. Пришелъ я въ себя одинъ, въ темномъ номерѣ, на кровати.

Я опять разрыдался. Бѣдная душевная боль держала меня въ тискахъ нѣсколько часовъ. Было нѣсколько истерическихъ припадковъ.

Всю ночь напролетъ я метался въ бреду.

Утромъ произошла реакція. Я вскочилъ, точно меня окатили холодной водой изъ ушата.

И вознегодовалъ. Ярость трясла меня, какъ лихорадка. Я сейчасъ же бросился къ тѣмъ господамъ, которые приходили обыскивать меня, и угрожалъ застрѣлить ихъ, какъ собакъ, если они не поставятъ меня лицомъ къ лицу съ членами «комитета», поручившими имъ обыскать меня, какъ товарища, заподозрѣннаго въ шпіонствѣ.

«Шпіонъ!...» Это слово точно раскаленное желѣзо горѣло у меня на лбу.

Я—шпіонъ! Почему? Какъ?

Но развѣ можно доказать противное, разъ вы сдѣлались предметомъ такой клеветы?

Я добился того, что «комитетъ» въ полномъ составѣ долженъ былъ извиниться передо мною.

Извинились и двое исполнителей его приказа.

Но я имъ крикнулъ—и тѣмъ, и другимъ:

— Что мнѣ въ вашемъ извиненіи? И вы всѣ, сколько васъ ни есть, не смаете съ себя такого подлаго поступка.

Они ежились и молчали.

Но я съ того же дня почувствовалъ, что на меня легла тѣнь.

Прямо въ глаза меня не оскорбляли, но съ каждымъ днемъ между всѣми ими и мною выростала стѣна.

И какъ это могло случиться?

Какъ?

Меня ошеломилъ фактъ. И не одну недѣлю я ходилъ въ какомъ-то гипнозѣ, даже и послѣ того, какъ передо мной извинились.

Какъ могъ я сдѣлаться жертвой такой гнусной клеветы?

Никто мнѣ не объяснилъ этого.

Настоящихъ друзей у меня не было среди моихъ однокурсниковъ. И какъ только *это* стало извѣстно, никто не нашелъ въ себѣ настолько порядочности или хотя бы элементарнаго товарищескаго чувства, чтобы придти и поговорить со мною.

Въ первые дни послѣ моего объясненія съ «комитетомъ», я могъ бы выбрать кого-нибудь, хотя бы того же Харитова, и допросить его: что именно привело къ такому ужасному подозрѣнiю.

Но я былъ слишкомъ оскорбленъ; мнѣ противно было идти къ кому-либо за такими интимными разговорами.

А потомъ, замѣчая, что вокругъ меня образуется какая-то «торичеллиева пустота», я съезжился, ушелъ въ себя, пересталъ ходить на лекціи, по цѣлымъ недѣлямъ сидѣлъ въ номерѣ.

Теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, я могу гораздо спокойнѣе и объективнѣе разобрать улики, которыя могли повести къ подозрѣнiю въ гнусномъ ремеслѣ.

Во-первыхъ, я былъ всюду свой человекъ, душа своего землячества, устроитель разныхъ чтеній и вечеровъ. Одно время значился и членомъ одного изъ представительствъ.

Меня всюду видѣли въ публичныхъ мѣстахъ, на публичныхъ лекціяхъ, въ театрахъ, въ трактирахъ.

Я всегда былъ «шикарно» одѣтъ. Ни стипендіи, ни субсидіи я не получалъ. Изъ дому «богаченькимъ» меня никто не считалъ. И я не любилъ распространяться о томъ, откуда идутъ тѣ средства, какими я могъ располагать.

А они шли изъ двухъ источниковъ, совсѣмъ не предосудительныхъ; но я, изъ своего тогдашняго передового «мундира», не желалъ рассказывать о нихъ даже и ближайшимъ товарищамъ.

Мнѣ высылала рублей сорокъ—иногда и больше—тетка, старая дѣва, сестра покойной матушки. Я былъ всегда ея любимцемъ, еще съ малыхъ лѣтъ. Она всегда съ кѣмъ-нибудь возилась, сантиментально привязываясь и къ людямъ, и къ кошкамъ, и къ чижамъ.

Эту субсидію я не считалъ постыдной, но скрывалъ ее изъ своего тогдашняго радикализма.

Второй источник—уже личный заработокъ: я состоялъ репетиторомъ мальчугана въ купеческомъ семействѣ, у богатѣйшихъ фабрикантовъ. Мальчуганъ оказался чѣмъ-то вродѣ идиота. Учить его было и скучнымъ, и безплоднымъ занятіемъ.

Попросту, я имѣлъ родъ синекуры, на которой получалъ не меньше пятидесяти рублей; да кромѣ того, обѣдалъ у этихъ именитыхъ коммерсантовъ раза три-четыре въ мѣсяцъ.

И такъ какъ я не былъ никогда «кутилой-мученикомъ», не игралъ въ карты, не состоялъ ни съ кѣмъ въ связи, требующей «лжерасходовъ», то я и могъ слыть за «шикаря», проживающаго, по меньшей мѣрѣ, рублей двѣсти въ мѣсяцъ. Я всегда былъ франтовато одѣтъ и одинъ изъ первыхъ, въ тѣ годы, сталъ носить тужурку и рейтузы изъ *зеленаго*, такъ называемаго «царскаго» сукна, что теперь дѣлается уже повальной модой.

Вотъ, стало быть, первый мотивъ подозрѣнія.

«На какія средства шикарить, вездѣ бываетъ, ѣздитъ на извозчикахъ?»

Второй пунктъ: многое зналъ насчетъ разныхъ преній, стачекъ и тайныхъ совѣщаній, листовъ и тому подобнаго нелегальнаго товара.

Можетъ быть, кто-нибудь, скорѣе всего какая-либо женщина, подруга одного изъ схваченныхъ передъ тѣмъ, первая заподозрила меня.

Мало ли что могло выйти для меня прямо обличительнымъ! Можетъ быть, видѣли меня съ кѣмъ-нибудь подозрительнымъ. А также и то, что я, мѣсяца за два до моего обыска товарищами, баллотировался въ «старосты» и не получилъ нужнаго большинства голосовъ.

Вотъ и все!...

Не могу припомнить ни одной неосторожности или рѣзкой фразы насчетъ главныхъ вожаковъ «движенія», такъ что врядъ ли тутъ дѣйствовала и месть.

Такъ, російскій «болтунъ»—съ бацу, подъ вліяніемъ нервнаго «настроенія», послѣ арестовъ, какихъ было въ тотъ годъ нѣсколько серій.

Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ разрядъ неисправимо заподозрѣнныхъ, я сталъ вспоминать многое, что мнѣ случалось слышать объ исторіяхъ въ такомъ же родѣ.

Старый «изгой», образцовый неудачникъ шестидесятыхъ годовъ, встрѣченный мною въ моей кухмистерской, не зная, что онъ имѣетъ дѣло съ одной изъ жертвъ такого «оговора», самъ рассказалъ мнѣ цѣлыхъ двѣ исторіи.

Одна—о нѣкоторомъ молодомъ ученомъ, который принадлежалъ